

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

ОРУЖЕНОСЕЦ
КАШКА

Владислав Петрович Крапивин
Оруженосец Кашка
Серия «Наша марка
(Детская литература)»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25310635
Оруженосец Кашка/ Владислав Крапивин: Издательство Детская
литература; Москва; 2016
ISBN 978-5-08-005558-4*

Аннотация

Лихой и смелый стрелок из лука, шестиклассник Володька Новосёлов недоволен тем, что ему на время лагерных соревнований назначили оруженосцем восьмилетнего Кашку, смиренного, ничем не примечательного мальчишку. Однако к концу смены чемпион лагеря, рыцарь Фиолетовых Стрел, и его тихоня оруженосец становятся неразлучными.

Эта повесть о том, как зарождается настоящая дружба, как важно не оттолкнуть доверившегося тебе человека, ответить ему теплом и любовью.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	16
Глава третья	37
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владислав Крапивин

Оруженосец Кашка

Глава первая

Серафиме приснился дятел. Он сидел на сухом стволе сосны и целился носом в какую-то букашку. Потом быстро

откинулся назад, стукнул клювом по коре и снисходительно посмотрел на Серафиму чёрным блестящим зрачком. Серафима удивилась и открыла глаза.

Дятла, конечно, не было. Был некрашенный потолок с круглыми пятнами сучков, лампочка в самодельном абажуре и пёстрый табель-календарь, пришпиленный над кроватью к стене из тёсанных брёвен.

А ещё была стрела.

Она торчала над календарём, и белое хвостовое перо её хищно дрожало.

«Так, – подумала Серафима. – Кажется, кто-то совершил покушение на мою жизнь. Только этого мне и не хватало».

Она с беспокойством взглянула на затянутое марлей окно. В марле ярко голубела круглая дырка. Серафиме захотелось поглубже забраться под одеяло.

– Нет, стоп, – сказала она себе. – Главное – не поддаваться панике.

Серафима была рассудительным человеком. Она прогнала страх и стала вспоминать, кому причинила зло и кто мог желать ей такой ужасной гибели.

Никому она не причиняла зла! Честное слово! Правда, вчера во время ужина она прогнала из столовой Мишку Зыкова, но он даже не обиделся. Он понимал, что сам виноват, ведь никто не заставлял его опускаться в компот нытику Генке Молоканову живого зелёного лягушонка.

«Не было покушения, – решила Серафима. – Стрела слу-

чайно влетела в окно, и теперь, наверно, её хозяин прячется в кустах и с тревогой думает: «Узнают или не узнают? Попадёт или не попадёт?»

Она вскочила с кровати, натянула сарафан и шагнула на крыльцо.

В двух метрах от крыльца росла прямая берёза. В стволе берёзы высоко, так что не дотянешься, торчали две стрелы.

Одна – толстая и короткая, с чёрным вороньим пером, другая – длинная, без перьев, с зелёными полосками у наколочника.

– Не нравится мне это, – задумчиво сказала Серафима и огляделась.

Горнисты ещё не сыграли побудку, и над лагерем висела сонная тишина. А солнце стояло уже высоко. Жестяные наколочники стрел, глубоко вонзившиеся в берёзу, горели серебряными точками.

Ещё одна стрела взмыла над кустами черёмухи, описала пологую дугу и ушла за дальние сосны. Она была ярко-алая, с белыми перьями у хвоста. В зарослях черёмухи затрещали ветки и слышались тихие напряжённые голоса.

– Батюшки... – прошептала Серафима. – «Волна»...

Коротким словом «волна» в лагере называли массовые увлечения. Что такое «массовое увлечение», каждому понятно. Допустим, один человек нашёл на дороге обрезок жести и сделал из него свисток. Ходит и свистит. Другой чело-

век услышал и думает: «У него есть свисток. А у меня нет свистка. Разве это жизнь?» Идёт он тоже искать кусок жести. Режет её, гнёт и в конце концов гордо подбрасывает на ладони великолепную свистелку собственной конструкции. Потом подносит её к губам и надует щёки...

Когда у двух человек есть свистки, а у других нет, это большая несправедливость. И вот уже всюду стучат по металлу молотки и кирпичные обломки, сгибая в трубку жестяные полосы. Воздух наполняется режущим свистом, и тишина рвётся в мелкие клочки.

Это значит, что на лагерь накатила «свистковая волна». Вообще «волны» бывают разные: вредные и полезные, опасные и безобидные.

В начале первой смены прокатилась «шляпная волна»: мальчишки и девчонки мастерили из лопухов широкополые мексиканские шляпы, украшали их подвесками из сосновых шишек и пышным оперением из листьев папоротника. Ходить без такой шляпы считалось просто неприличным. Однако лопухи увядали быстро, а росли медленно, и «волна» утихла, когда в окрестностях лагеря был найден и вырван с корнем последний лопух.

Через неделю прошумела другая «волна» – «разбойничья». Несмотря на грозное название, она была очень спокойная. Все мирно сидели под деревьями и мастерили маленьких «разбойников». Туловища лепили из глины, головы делали из шишек и репейника, руки и ноги – из веток, а усы – из сухих сосновых иголок. Потом эти разбойники стояли всюду: на подоконниках, на перилах, на спинках кроватей и даже на умывальниках. Наконец их собрали в пионерскую комнату и устроили выставку.

После «разбойничьей волны» прокатилась «волна ужасов». Всем захотелось наряжаться привидениями и кого-нибудь пугать. Мальчишки после отбоя малевали на голых животах страшные рожи, приматывали к голове деревянные рога и бесшумными скачками подкрадывались к девчоночьим дачам. Но девчонки не спали. Вымазав мелом лица и завернувшись в простыни, они со зловещим подвыванием бродили вокруг дач. В общем, привидений развелось видимо-невидимо, а пугать было некого.

Потом прошумело ещё несколько «волн», и самая грозная из них называлась «ракетная».

Ракеты с ядовитым шипением взмывали над полянами и, кувыркаясь, падали в кусты. Иногда они сгорали прямо на стартовой площадке. А ракета с гордым именем «Сириус-5» вышибла кухонное окно и утонула в котле с рассольником. Среди вожатых началась паника. Но эта «волна» угасла сама собой из-за недостатка реактивного горючего.

И вот – стрелы.

– Это, как я понимаю, не ракеты, – озабоченно сказал завхоз Семён Васильевич. – Горючего для них не требуется.

А матерьялу сколько хочешь. Рядом с кухней сосновые чурки лежат. Сухие, будто порох. И прямослойные. Я их для лучины припас, для растопки. Было восемь чурок, а теперь, значит, пять. Куда три пропали? Вон они – в воздухе летают с перьями на хвостах. Вот так.

Все дружно вздохнули и повернулись к окну. За окном была усыпанная песком площадка, а на площадке – столб с репродуктором. В столбе, не очень высоко от земли, торчала стрела с огненным петушиным пером. Появился лохматый исцарапанный мальчишка в зелёных трусиках. Подошёл к столбу. Поправил на плече маленький, сильно изогнутый лук. Поднял голову, подумал и лениво подпрыгнул, чтобы достать стрелу. Не достал. Почесал о плечо подбородок, снова поправил свой лук и неторопливо удалился.

– Вот-вот... – мрачно произнёс Семён Васильевич. – Про это я и говорю. Видали? Ему, тунеядцу несчастному, даже

прыгнуть лень как следует. Потому что стрел у него и без этой хватает. Три сосновые чурки на стрелы пустили! Изверги...

– Три чурки, три чурки, три чурки... – басовито пропел вожатый первого отряда Сергей Привалов.

– Нет ничего смешного, Сергей Петрович! – строго и обиженно сказала старшая вожатая Светлана. – Здесь не опера, а педагогический совет лагеря. Дети могут получить увечья и травмы...

– Виноват, Светлана Николаевна, – откликнулся из угла Сергей. – Больше я не буду. Хотя должен заметить, что увечья и травмы – это одно и то же.

– Товарищи! – укоризненно сказала директор лагеря Ольга Ивановна. – Света, Серёжа, не надо! Вопрос-то серьёзный. Продолжайте, Семён Васильевич.

– А чего продолжать? Кончать надо. Наконечники на всех стрелах, обратите внимание, железные, из жести. В виде конуса. Из консервных банок делаются. Где они банки берут, ума не приложу. А насчёт дерева всё ясно. Трёх чурок нет? Нет. А из каждой не меньше сотни стрел должно получиться. А то и две. А ещё обрезки досок на это пошли...

Он вздохнул, шумно поворочался на стуле и затих.

– Ольга Ивановна, у меня предложение. – Худая девушка в очках подняла руку. – Надо издать приказ, что стрелять из луков запрещается, а виновным грозит исключение. В своём отряде я уже объявила. Устно.

– Помогло? – печально спросила Ольга Ивановна.

– Ну... это ведь устно. А если приказ с вашей подписью повесить на доску объявлений...

– Не знаю, кто как, а я к этой доске и на сто шагов не подойду, – заявила Светлана. – Её превратили в щит для мишеней. Там уже висит, между прочим, один приказ – с выговором за самовольное купание. Кажется, Юрию Земцову. В этом приказе торчат четыре стрелы. Их не убирают. Помоему, нарочно. Я не понимаю, Сергей, что тут смешного?!

– Я серьёзен, как надгробие.

– Надгробие скоро понадобится мне. От такой жизни. Я поймала Игоря Каткова – кстати, он из твоего отряда – и говорю: «Вы другого занятия не могли найти? Вы без глаз останетесь». А он хоть бы хны!

– Да? А что он сказал? – с интересом спросил Сергей.

– Что, что... Он известный хулиган и болтун. Сам знаешь.

– Всё-таки что ответил хулиган и болтун Катков?

– Как всегда, сказал глупость: «Купаться нам нельзя – говорят, утонете. Загорать нельзя – перегреетесь, в лес нельзя – заблудитесь, на карусель нельзя – закружитесь, стрелять тоже нельзя... А дышать можно?» Нахал! Сам из речки по два часа не вылезит!.. Ну, Ольга Ивановна, Сергей опять смеётся!

– В самом деле, Серёжа... – Ольга Ивановна покачала головой. У неё было полное, совершенно нестрогое лицо и потерянные глаза. – Нехорошо, Серёжа. Это ведь в твоём отря-

де больше всего стрелков. Даже девочки.

– Девять ребят и четыре девчонки. И ещё пятеро делают луки, – уточнил Сергей.

– Блестящие показатели! – язвительно заметила Светлана. – Твои методы работы. Вот у Серафимы, например, почему-то ни одного стрелка нет. А?

– Ну, они ещё мальки, – ласково сказала Серафима. – Ещё не научились. Научатся...

– Ты всегда заступаешься за Привалова!

Сергей встал.

– Дело ясное, – сказал он. – «Волна» есть «волна». Стихия. Отбирать луки бесполезно. Сжигать стрелы – тоже. Стихию не остановить. Выход один: направить её в безопасное русло.

– Серёженька, родной, направь! – с надеждой воскликнула Ольга Ивановна. – Я тебя потом за это на два дня в город отпущу!

– Нужно двадцать палаток, – сказал Сергей.

– Будут палатки! Одиннадцать есть, остальные в «Весёлых искорках» попросим. А ещё что нужно?

– Лист ватманской бумаги.

– И всё?!

– И ещё всю полноту власти.

В семь часов вечера на двери столовой появился лист с большими красными буквами.

ВЕЛИКИЙ И НЕПОБЕДИМЫЙ
Рыцарский орден стрелков из лука
объявляет:

§ 1

Для безопасности населения все стрелковые тренировки переносятся в большой овраг.

§ 2

Назначается всеобщее стрелковое соревнование.
Победители будут участвовать в грандиозном
рыцарском турнире.

§ 3

Всякий, кто осмелится выпустить стрелу на территории
лагеря, будет объявлен вне закона, лишён оружия
и немедленно изгнан из славных рядов ордена.

§ 4

Запись в великий и непобедимый
Рыцарский орден
производится в пионерской комнате.

Примечание. Турнир будет через два дня.

Лист был пригвождён к двери чёрной тяжёлой стрелой.

Глава вторая

– Работорговец ты, Новосёлов, – сказал Сергей.

– Я?!

– Именно ты. Самый настоящий.

– Ладно. Спасибо.

Володя пнул попавшую под ноги шишку, отошёл в сторону, сел под сосной и стал думать о несправедливости.

Вроде бы он не хуже других. За эти два дня все убедились, что стреляет он как надо. Ну ладно, этим хвастаться нечего: каждый стреляет как может. Но ведь он не только стрелы пускал, он и мишени малевал для соревнований, и оленя из фанеры помогал выпиливать, дистанции размечал в овраге. Никаких «спасибо» ему за это не надо, но оруженосца-то могли бы дать получше!

Это Серёжа придумал, что у каждого участника турнира должен быть оруженосец. Для малышей из шестого отряда такое дело – самое подходящее. Стрелки из них никудышные: им и лук-то не натянуть как следует, а за улетевшими стрелами бегать они могут. И вообще, мало ли какая помощь потребуется во время турнира. Сразу и не угадаешь. А оруженосец всегда под рукой. Скажешь – и он сделает что нужно.

И ещё было решено, что, если стрелок победит в турнире, его оруженосец тоже считается победителем: славу и приз

пополам.

В общем, здорово было придумано, и Володя ни за что не отказался бы от оруженосца, если бы дали ему кого-нибудь другого. Например, Мишку Зыкова, известного на весь лагерь семилетнего забияку с бесстрашными глазами.

Или вон того худого малыша с незаживающими ссадинами на коленках и удивительным прозвищем – Обезьяний Царь. Или, наконец, Сашку Макурина. Он хотя и увалень, но парень с головой, деловитый и не нытик.

Но достался Володе совсем другой оруженосец. Володя даже его фамилии точно не знал. Голубков или Голубев. Или Голубкин. Аркашка.

Полное имя для Аркашки оказалось, наверно, слишком длинным. Звали его просто Кашка. Он и в самом деле был как незаметная полевая кашка в траве – пройдёшь и не увидишь. Может быть, в своём отряде, среди малышей, он и был чем-нибудь известен, кто знает. Но Володя на него никогда не обращал внимания. Потому что посмотришь – и взгляду не за что зацепиться: выгоревшие волосы, стоптанные сандалеты, серенькие штаны на лямках да голубая выцветшая майка. Вот и весь Кашка. Хоть бы какой-нибудь значок на майку прицепил, или бы синяк заработал, или царапину какую-нибудь, чтобы знак отличия был. Да где уж ему!

По деревьям он не лазил, на речку не бегал, в драки не лез, в лагерных концертах не участвовал. На линейках его не хвалили и не ругали, потому что ничего с ним не случалось.

Это ведь не Зыков и не Обезьяний Царь. И не Светка Матюшова, которая однажды заманила в лагерь деревенского козла и натравила его на мальчишек из третьего отряда.

Как только Володя увидел, какого оруженосца ему подсунули, он чуть не застонал. Побежал к Сергею и в упор спросил:

– Больше никого дать не могли? Да?

– А чем тебе Кашка не нравится?

– Боже мой! – с отчаянием сказал Володя. – А чем он может нравиться? Инфузория какая-то.

– Ну, не валяй дурака. Обыкновенный мальчишка.

Они стояли у фанерного домика, где была пионерская комната. Озабоченные важными делами, пробегали мимо ребята с охапками бумажных флажков, с фанерными щитами для мишеней и банками красок.

Несколько человек остановились, чтобы посочувствовать Володе.

А Кашка сидел шагах в двадцати на лавочке. Сидел прямо и неподвижно, как в кино. Смотрел издалека на Сергея и Володю. Разговора он, кажется, не слышал, но о чём-то догадывался.

– Беспомощный он, как кролик, – тихо сказал Володя.

Сергей взял его за плечи.

– Вовка, ты пойми. Никто же их не назначал, этих оруженосцев. Все ребята сами выбирали и сами договаривались. Ну кто виноват, что тебя тогда не было?

Володя обмяк. Когда Серёжа разговаривал вот так просто и доверительно, спорить с ним было невозможно. И всё-таки Володя высвободил плечи. Он сказал со сдержанной обидой:

– Я, между прочим, не гулял. Я мишени собирал в овраге. Все стрелять кончили и разбежались кто куда. А мишени нужны ещё... А оруженосца мне вообще тогда не надо. Я не барин.

– Тебе-то, может быть, не надо. Но куда ты его денешь? Думаешь, ему не обидно?

Володя вздохнул.

– Ну пойми. Ведь я же не нянька, – сказал он. – Мне же стрелять надо будет, а не нос ему вытирать.

– Ну и будешь стрелять. Не стони раньше времени. – Серёжа отмахнулся и нырнул в пионерскую комнату.

– Юрка! – Володя с надеждой повернулся к Юрику Земцову. – Юрка, давай меняться, а? У тебя ведь Мишка Зыков. Давай, ты мне Мишку, а я тебе десять наконечников и Кашку.

Юрик обалдело глянул на Володю.

– Мишку?..

– Пятнадцать наконечников, – безнадёжным тоном сказал Володя. – Все из жёлтой жести. Как золотые. Я их для турнира берёг. Ну, семнадцать... А?

Вот тогда-то Серёжа и сказал, не выходя из пионерской комнаты:

– Работорговец! Человека меняет на какие-то наконечники! Догадался...

Сейчас рыцари на земле повывелись. Но в далёкие времена, когда на высоких горах стояли каменные замки, когда в тёмных дубравах водились буйные разбойники, а учёные-астрономы носили остроконечные колпаки с серебряными звёздами, рыцарей было видимо-невидимо. Громоухая латами, как пустыми умывальниками, они съезжались в чи-

стом поле, раскидывали шатры и устраивали турниры.

В лагере «Синие камни» шатров не нашлось, но двухместные палатки Серёжа достал. Их поставили на широкой поляне, окружённой частым березняком и зарослями шиповника. Девятнадцать палаток образовали большой круг, а двадцатая – командорская – стояла в середине. Получился настоящий рыцарский табор: с мочальными хвостами и пёстрыми флажками на деревянных пиках у палаток, с разноцветными гербами на фанерных щитах, с синим стягом над главной палаткой. На стяге был похожий на полумесяц лук и красная стрела.

Двое суток должны жить в палатках те, кто победил в прошедших соревнованиях, – девятнадцать участников заключительного турнира. И их оруженосцы. Сорок воинов, сменяясь ежечасно, будут ночью охранять их покой и сон...

Володя шагал к палаткам. Двое часовых глянули на него сквозь прорези картонных шлемов и скрестили копья.

– Пароль?

– Идите вы с паролем, – уныло сказал Володя. Развёл копья в стороны и, не оглядываясь, пошёл дальше.

Часовые посмотрели друг на друга, вздохнули и остались на месте.

Свою палатку Володя увидел сразу. Кто-то уже позаботился о нём. На тонком длинном древке рядом с палаткой был укреплён бумажный флажок с Володиным гербом – жёлтое яблоко, пробитое налет фиолетовой стрелой.

Но и без флажка Володя не ошибся бы. Потому что у входа сидел на корточках Кашка.

Он увидел своего командира и торопливо встал. Будто испугался чего-то. А может быть, и правда испугался. Стоял, неловко шевеля руками, и вопросительно смотрел на Володю.

«И чего смотрит, будто кролик на удава?» – подумал Володя. И почувствовал, как закипает досада.

В серых Кашкиных глазах было ожидание. Он готов был и улыбнуться, и робко съёжиться – всё зависело от того, что скажет Володя.

Володя всё-таки сдержал раздражение. Надо было думать и о справедливости. Ведь этот несчастный Кашка, в конце концов, ни в чём не виноват.

Кашка ждал. Нужно было хоть что-то сказать ему.

– Ты почему не в столовой? – сказал Володя.

И Кашка улыбнулся. Улыбка была немножко виноватая и смешная, потому что у оруженосца не оказалось переднего зуба.

– Наш отряд уже пообедал, – объяснил Кашка. – Мы сегодня раньше всех...

– Значит, спать пора, наверно, – сказал Володя. – Мёртвый час.

– Весь лагерь не спит, – осторожно заметил Кашка. Он, видимо, не знал, как принимать Володиные слова: как приказание или просто так.

Володя нырнул в палатку. Оруженосец полез следом.

Внутри всё уже было готово: лежали два соломенных тюфяка под одеялами, две подушки. В карман, пришитый к парусиновой стенке, кто-то воткнул ветку шиповника с розовыми цветами.

– Это ты постарался? – с сомнением спросил Володя.

Кашка смущённо заморгал.

– Не я... Девочки приходили, большие. Мне сказали, чтобы я не мешался, а сами всё сделали.

– Надо же... – озадаченно произнёс Володя.

– Одну зовут Райка, – уточнил Кашка.

Он как вполз в палатку, так и стоял на четвереньках, выжидательно глядя на Володю.

Володя сел на тюфяк. Делать было абсолютно нечего. Полагалось после обеда спать, но спать, когда никто не заставляет, мог только ненормальный. Как обращаться со своим оруженосцем и что вообще с ним делать, Володя тоже не знал. И от этого чувствовал себя при Кашке неловко и скованно.

– Где твои вещи? – спросил он.

– Вещи?

– Ну, полотенце, зубная щётка, мыло. Мы два дня будем жить здесь. Знаешь ведь...

– Я забыл, – обеспокоился Кашка. – Можно, я сбегаю за ними? Я быстро сбегаю.

«Можешь не торопиться», – подумал Володя. Но промол-

чал и кивнул.

Одному было хорошо. Володя вытянулся на тюфяке. Но тут же вспомнил, что и ему надо идти за своим имуществом. Ну что же, идти так идти...

Недалеко от палатки его окликнули:

– Новосёлов!

Это была Райка. Худая, коротко остриженная девчонка из второго отряда. Володя знал её и до лагеря: они жили в соседних домах.

На Райке были чёрные штаны и синяя футболка, а над плечом торчал лук из можжевельника.

– Опять тренировалась?

Райка медленно покачала головой. Несмотря на воинственный наряд, она казалась немного смущённой.

– Коршун ходил над опушкой, – объяснила она. – Я хотела зацепить его. Чёрные перья нужны. Старые уже обтрепались на стрелах.

– Не попала?

Райка опять покачала головой. Она пошла рядом, сбивая пучком стрел колоски высокой травы.

В глубине души Володя был рад, что Райка промахнулась. Но это была скверная радость, и Володя разозлился на себя.

– У меня есть перья, – сказал он. – Только белые. Возьмёшь?

– Я к чёрным привыкла.

– Как хочешь...

«Жаль, что она девчонка, — подумал Володя. — Завтра я наверняка ей проиграю. Даже с ободранными перьями она обстреляет меня, как дошкольника».

— Это ты мою палатку оборудовала? — спросил он.

— Я. Ну и что?

— Так...

— Мы всем мальчишкам помогали, — поспешно сказала Райка. — Иначе же у вас кавардак будет.

— Да, наверно, — миролюбиво согласился Володя. Подумал и добавил: — Спасибо.

— Оруженосца не сменял? — осторожно спросила Райка.

— Куда там.

— Я бы тебе отдала своего, но у меня Светка Матюшова. Хохотать же все будут: у мальчишки оруженосец девочка.

— Ладно уж... — сказал Володя.

Когда он вернулся в палатку, Кашка был уже на месте. Он сидел на тугом тюфяке, съёжившись и уткнувшись острым подбородком в колено. Увидел Володю, поднял голову и торпливо сообщил:

— Я всё принёс.

— Ладно, — сказал Володя.

На коленке осталось от подбородка красное маленькое пятно. Кашка начал тереть его ладонью. Потом тихонько спросил, не поднимая глаз:

— Мне что надо делать?

– Пока ничего, – сдержанно сказал Володя. – Вернее, что хочешь.

– А завтра?

– Да и завтра тоже... Видно будет.

Кашка вздохнул.

– Есть ещё такое правило, – вспомнил Володя. – Если со мной что-нибудь случится, ты за меня должен будешь стрелять. Но со мной ничего не случится.

– Конечно. – Кашка снова улыбнулся смешной своей улыбкой.

Снаружи раздался восторженный визг и хохот. Володя высунул голову. Из соседней палатки со свистом вылетела подушка, потом растрёпанный Мишка Зыков, а за ним жёлтая мыльница. Мишка перевернулся через голову, ухватил мыльницу и швырнул её в тёмную щель палатки.словно гранату в амбразуру вражеского дзота. После этого, прикрываясь подушкой, ринулся внутрь. Палатка заходила ходуном. Всё было ясно: Юрка Земцов и его оруженосец пришли друг другу по душе и развлекались вовсю.

Володя обернулся. Кашка прислушивался к весёлому шуму. Глаза его были раскрыты широко-широко. Серые удивлённые глаза под выгоревшими полосками бровей.

«Завидует, наверно», – подумал Володя. И вдруг пожалел малыша Кашку.

– Ерунда, – сказал он хмуро. – Земцов с Зыковым бесятся. Видно, делать им больше нечего. А мы... а у нас ещё дело

есть. Ты поможешь?

Кашка изумлённо приоткрыл рот, потом заулыбался и кивнул.

Володя положил на колени пучок стрел.

– Смотри. Я их фиолетовыми чернилами выкрасил вместе с перьями. Хотел, чтобы от других отличались. В общем, дурака сваял: если в тень залетят, их и не видно совсем. Надо знаешь что сделать? Надо на каждой стреле повыше перьев, вот здесь, три красные полосы провести для яркости. Три таких кольца...

Володя придумал про кольца только сейчас, но выдумка и в самом деле была неплохая.

– В пионерской комнате у двери есть полка. Там с левой стороны банка с краской. Мы ею оленя вчера красили. И кисточки там же... Сделаешь, Кашка?

Кашка просиял.

Начиналась последняя тренировка. Стрельба на скорость. Такая стрельба, когда медлить нельзя ни капельки. Выхватил стрелу, наложил на тетиву, натянул – и р-раз!..

Мазать нельзя и мешкать опасно: через полминуты наблюдатель дёрнет за шнурок – и белая с красным пятном мишень свалится в кусты.

Володя ждал сигнала. Привычный холодок пробежал по рукам. Вот-вот, сейчас... Кашка стоял рядом и держал наготове пучок фиолетовых стрел. Тройные красные колечки на

стрелах горели, как огоньки. Постарался Кашка, молодец!..

Резко дзенькнула консервная банка – сигнал!

Володя рванул из пучка стрелу. Он знал, что не промахнётся. Лишь бы не сбиться в движениях! Длинный лук из сухой берёзы согнулся, набрав упругую силу. Конец стрелы лежал на левом кулаке. Володя плавно повёл рукой, направляя наконечник в центр мишени, и отпустил тетиву.

Щёлк! Тетива, как всегда, звонко ударила о левый рукав. Но что-то влажное, липкое мазнуло по кулаку, а стрела клюнула и прошла на целый метр ниже мишени. Кто-то удивлённо охнул.

Володя взглянул на руку: красная размазанная полоса на кулаке. Кровь? Наплевать! Он схватил вторую стрелу.

Стрела прилипала к пальцам. Красные кольца оставляли на руках яркие следы.

– Кашка, – тихо и яростно произнёс Володя, – где ты брал краску?

Он увидел перепуганные Кашкины глаза.

– В тумбочке, – прошептал оруженосец. – На полке не было. Только какой-то «сурик».

Кругом сдержанно захихикали.

– Ба-ал-ван! – со звоном сказал Володя.

Вырвал у Кашки стрелы и, не оглядываясь, пошёл из оврага.

Володя пропустил ужин и возвращался к палаткам голодный и злой, как бенгальский тигр.

Часовые опасливо раздвинулись.

Володя мягкой походкой хищника вошёл в палаточный городок.

Несмотря на поздний час, было совершенно светло: стояли долгие дни июля. Солнце ещё выбрасывало из-за сосен длинные лучи.

Было светло и в палатке. Полости входа оказались раскинутыми, и Володя увидел Кашку издалека. Тот сидел на корточках спиной к выходу и что-то разглядывал на полу.

«Что с ним делать? – думал Володя. – Может, ухватить подмышку и утащить, как багаж, прямо к Серёже? Поставить перед Серёжей этого горе-помощника, молча повернуться и уйти?.. Или не тащить? Пусть бежит сам. А может быть, сначала всё ему высказать? Да нет, не поймёт он...»

Володя подошёл ближе. Ага, вот оно что! Кашка собирал своё имущество. Он расстелил полотенце и укладывал на него зубную щётку, за ней зелёную, как лягушка, мыльницу, какую-то круглую коробку, пластилинового разбойника и оловянного мотоциклиста. Потом он попытался завязать всё это в узелок. Но полотенце было маленьким, вещи вываливались. Особенно подло вела себя скользкая мыльница. Кашка принимался за работу снова и снова.

Острые Кашкины лопатки суетливо двигались под майкой. Правая лямка штанов падала с плеча, и Кашка всё время поправлял её. Он почему-то очень торопился.

Володя наклонил голову и остановился у входа. Он заслонил свет. Кашка вздрогнул и обернулся. Зелёная мыльница-лягушка вырвалась у него из пальцев и ускакала под тюфяк.

Володя молчал. Кашка тоже молчал. Так они смотрели друг на друга долго. Кашкины глаза испуганно блестели в полутьме палатки. Потом у него шевельнулись губы, и Воло-

дя расслышал:

– Мне надо когда уходить? Сейчас или завтра?

Не надеялся Кашка на прощение. Маленький, остропленный, придавленный своей виной, он сидел на корточках перед грозным рыцарем Фиолетовых Стрел и ждал ответа. Лямка опять съехала с плеча.

– Оруженосец... – скорбно сказал Володя. – Кто тебе разрешил уходить? Марш под одеяло! Давно уж отбой был для вашей малышни.

...Но заснуть так рано никому не удалось. Чуть стемнело, и за палаточным кругом развели костёр. Собрались у огня стрелки-рыцари, подошли ребята из лагеря. Только часовые остались на местах, и время от времени слышались в сумерках их завистливые вздохи.

Выбрались наружу и малыши-оруженосцы. Их попробовали отправить назад, в палатки, потому что самым маленьким полагалось спать. Но оруженосцы во главе с Мишкой Зыковым пригрозили забастовкой, и тогда им разрешили остаться.

Кашка тихо подошёл к своему командиру, постоял рядом и осторожно спросил:

– Во-лодя... – Он почему-то оттягивал первый слог, когда произносил это имя. Словно оно было слишком трудным. А может быть, так получалось от нерешительности. – Можно, я тоже посижу у костра?

– Сиди сколько хочешь, хоть до утра, – мрачно сказал Во-

лодя.

Он хотел есть и думал, где бы добыть горбушку хлеба. Идти на кухню было бесполезно. Её, конечно, уже закрыли.

Володю окликнули. На краю площадки, куда почти не долетали отблески огня, стояла Райка.

– Ну? – сказал Володя.

– Иди сюда.

Володя медленно поднялся с травы. Его поташнивало от голода. Когда он подошёл, Райка шёпотом спросила:

– Есть хочешь?

– Ещё бы.

Она протянула ему кусок пшеничного каравая и банку консервов.

Володя вцепился зубами в горбушку и заурчал.

– Райка, – сказал он с набитым ртом, – ты лучше всех мальчишек! Ты самый лучший мальчишка в лагере... Все эти тупоголовые рыцари расселись у костра и даже не подумали, что рядом человек умирает с голоду. А ты.

– Да ладно, Вовка...

Володя с удивлением заметил, что Райка вроде бы смутилась. Отвернувшись вдруг, наклонила голову, стала обламывать ветку, уколола шиповником руку и начала, словно кошка,лизывать ладонь. Вот чудная! Будто ей в любви объяснились.

– Ешь консервы, – сказала она.

– А чем открыть?

– Возьми. – Она протянула консервный ключ.

– Где ты всё это раздобыла?

– Трудно, что ли? У тёти Даши на кухне попросила. Сказала, что ты не ел. Ты почему не ужинал?

– Вон из-за того типа. – Володя качнул головой в ту сторону, где, нахохлившись, присел у огня Кашка.

– А что он натворил? Я так и не поняла.

– Ну что... – Володя проглотил громадный кусок. – Надо было полоски на стрелах сделать. Я его попросил. А он вместо корабельного сурика, который сохнет за пятнадцать минут, раскопал где-то простую масляную краску. Ей два дня надо, чтобы высохнуть. Вот я и соскребал до вечера. Пятнадцать стрел, и на каждой по три широкие полоски.

Райка сочувственно вздохнула.

– Все они такие. Светка моя к костру идти не хочет, говорит, комары кусают, и в палатке одна сидеть боится. Я уж пойду... А на Кашку ты очень-то не злись: он, наверно, переживает.

Володя отмахнулся.

– Я не злюсь. Бесполезно. Только он ничего не переживает. Сидит, и всё. Огонь греет, комаров нет, что ещё надо? Ну какие, Райка, у такой малявки переживания?

Глава третья

Но Володя ошибался. Были у Кашки и переживания, и заботы.

Были у него и тайны.

Самая большая тайна – Кашкина Страна. Никакого названия Страна не имела, Кашка его не придумал. Страна – вот и всё.

В Стране жили челотяпики.

Слово «челотяпики» Кашка выдумал сам. Оно означало то же, что «человечки», но было интереснее и смешнее.

Челотяпики были разные: Лётчик из сломанного самолётка; оловянный Мотоциклист; морской Капитан, сделанный из поплавок и спичек; старый ворчливый Шишан из еловой шишки и Матрёшка – самая маленькая из всех матрёшек. Раньше она сидела внутри остальных, а потом потерялась и попала в компанию челотяпиков.

Позже других появился шестой челотяпик – Альпинист, но про него речь пойдёт дальше, потому что всё надо рассказывать по порядку.

Прошлым летом дома у Кашки стряслась беда: сильно заболел отец. Он болел и раньше, но не очень, а на этот раз болезнь скрутила его крепко. Название у болезни было длинное и непонятное. Кашка не мог его запомнить. Но зато он хорошо запомнил слова врача: «Операция нужна обязательно».

но».

Кашкина семья жила не в городе, а в посёлке Камшал. Это от города в ста двадцати километрах по железной дороге. В посёлке врачи операцию делать не стали и сказали, что надо везти папу в областную больницу. Надо – значит, надо. Но ведь один папа ехать не мог, он даже по комнате двигался еле-еле. Пришлось маме брать на работе отпуск и ехать тоже. Она сказала, что будет жить в городе, пока отцу не сделают операцию.

Тепловоз прогудел, мама помахала рукой из вагонной двери, и поезд ушёл.

Он ушёл, скрылся за поворотом, за станционными домами и тополями, а Кашка стоял и смотрел на блестящие рельсы. Рельсы отражали солнце. Рядом с Кашкой стояла бабушка. Это была незнакомая бабушка, папина мама. Её звали баба Лиза. Она приехала только накануне, чтобы жить с Кашкой, пока не будет родителей. До этого Кашка её не видел. Вернее, видел, когда был маленький, но забыл. Баба Лиза жила далеко, в Ишиме, и её пришлось вызвать телеграммой.

Рельсы слепили глаза и выжимали слёзы. Кашка глотнул воздух.

– Идём, – сказала баба Лиза.

Она повернулась и пошла с перрона, ни разу не оглянувшись на Кашку. Он пошёл сзади. Вернее, сначала пошёл, а потом засеменял, потому что баба Лиза шагала широко и быстро.

Она была высокая и худая. Кашка смотрел на прямую бабушкину спину с чёрным треугольником косынки и горько думал: «Худо будет теперь».

Баба Лиза оказалась хмурой и неразговорчивой. Целыми днями, сердито сжав серые губы, копалась в огороде. С Кашкой говорила мало: «Садись ешь... Сходи за хлебом... Руки помой... От дома не отходи... Ложись спать...» Вот и всё. Может быть, у неё был такой характер, а может быть, она сердилась, что её оторвали от домашних дел и заставили возиться с внуком. Кашка этого не знал и понять не старался. Он послушно бегал за хлебом в соседний магазин, старательно мыл руки перед обедом, вовремя укладывался на свою скрипучую раскладушку и от дома не уходил, потому что на целую неделю зарядили серые морозящие дожди.

На душе у Кашки было тоже пасмурно и пусто. А по вечерам эта пустота заполнялась едучей тоской. Кашка скрючивался под одеялом и щипал себя за нос, чтобы не заплакать. Он боялся плакать, потому что баба Лиза спала плохо, долго ворочалась и вздыхала за фанерной перегородкой.

Но однажды утром какой-то добрый ветер прогнал тучи, и в Кашкино окно глянуло умытое солнце. Глянуло, пощекотало Кашку лучами и позвало в дорогу.

– Ладно, – тихонько сказал Кашка и встал.

Он осторожно оделся, вынул из коробки оловянного Мотоциклиста и выбрался на непросохшее крыльцо.

Небо над Кашкой оказалось такое синее, что он даже ды-

шать забыл. А земля сверкала. Перед рассветом прошёл последний дождь, и травинки сгибались от тяжести стеклянных капель. А солнце огненными ручейками стекало по мокрым скатам железных крыш.

Чтобы не промочить в траве сандалии, Кашка снял их и пристегнул на животе к лямкам своих коротеньких штанов. Потом он прыгнул с крыльца. Холод, как мышонок, сразу юркнул под рубашку и зацарапал спину мелкими коготками. Но Кашка не вернулся в дом. Он поставил на ладошку Мотоциклиста, зажужжал, как мотор, и помчался в конец переулка.

За переулком начинался луг с кустарниками, а дальше – берёзовые перелески и бор. Там лежала Кашкина Страна. Он торопился туда вместе с маленьким смелым Мотоциклистом.

На большой скорости они проскочили полосу кустарника и вынеслись на солнечный обсохший бугорок. Здесь Кашка залёг среди высоких метёлок овсяницы и пунцовых шариков клевера.

Он сжал в кулаке катушку от ниток.

На самом деле это была не катушка, а волшебная подзорная труба. Поднесёшь к глазу – и видишь, как в светлом кружке обыкновенная трава превращается в заросли сказочного леса. Переплетение узорчатых листьев, колосьев и цветов сразу становится громадным. Потому что смотришь снизу – травы убегают к горизонту и сливаются с настоящим ле-

сом.

Кашка медленно обводил подозрительной трубой джунгли, где жили непонятные существа, сумерки и тайны. Потом джунгли кончились, в круглый глазок трубы ударил синий свет, и Кашка увидел море.

Да, это было море. Переливалась солнечными блёстками голубая вода, а по воде двигался белый парусник.

Кашка заморгал и убрал от глаза катушку. Море превратилось в крошечное луговое озерко. Но парусник не исчез. Кашка приподнялся на локтях. Одномачтовый кораблик бежал к берегу, где горели на солнце жёлтые лютики. Парус был похож на косое крыло голубя. Кашка встал в полный рост. Тогда он услышал голоса и увидел хозяев парусника.

Это были мальчишки, и командовал ими Пимыч.

Почему его так прозвали, Кашка не знал. Но прозвище казалось очень подходящим. Пимыч был толстоватый, тяжёлый, с большой головой, круглым лицом и носом, похожим на растоптанный валенок. Ходил он вразвалку, смотрел лениво и говорил не торопясь. Мальчишки, однако, его слушались.

Кашка Пимыча боялся, а Пимыч Кашку, кажется, не любил. На это была причина. Кашкина мать работала контролёром в поселковом кинотеатре «Луч» и не так давно выставила Пимыча на улицу, потому что он пробирался без билета. Пимыч ничего сказать ей не посмел, но на крыльце кинотеатра увидел Кашку и показал ему круглый красный кулак. Кашка вздохнул и отвернулся. Он, конечно, не был виноват перед Пимычем, но понял, что всё равно лучше с ним не встречаться.

Кашка и сейчас не забыл о похожем на большую грушу кулаке. Но он видел кораблик. Маленький, лёгкий такой и

быстрый кораблик, который надо было обязательно рассмотреть как следует и, может быть, даже взять в руки. И это было сильнее осторожности.

Кашка тихо спустился с пригорка и встал у воды. Никто, кроме Пимыча, не взглянул на него. А Пимыч хмуро покопался, но ничего не сказал. Это ободрило Кашку.

Парусник уже пересек озерко и подходил к берегу, где ждали мальчишки. Но ему не повезло: на пути оказался островок. Вернее, круглая травянистая кочка. Она торчала метрах в пяти от суши и была похожа на лохматый затылок сидящего в озере великана.

Кораблик ткнулся в этот затылок носом и запутался в мокрых травяных прядях. Сразу стало понятно, что выбраться сам он не сможет, если только не случится большого шторма.

– Кто полезет? – спросил Пимыч. Сам он, конечно, лезть в воду не собирался.

Мальчишки стали переглядываться и сопеть. Разуваться, подворачивать штаны, идти в холодную от дождей воду и добираться к проклятой кочке по илистому дну – что тут хорошего?

Треугольник паруса белел за листьями осоки и просто изо всех сил притягивал к себе Кашку.

– Пимыч, – осторожно сказал Кашка, – можно я достану?

– Пускай достаёт!.. – загалдели мальчишки.

– Не потонет...

– Конечно...

– Я бы сам достал, да у меня нога порезанная, – заявил похожий на худого котёнка, большеухий Лёвка Махаев.

На эти слова не обратили внимания: все знали, что Лёвка хитрый враль и лодырь.

Пимыч несколько секунд разглядывал Кашку и, наверно, думал: надо ли разрешать такое интересное дело человеку, мать которого прогоняет людей из кинотеатра? И вдруг разрешил:

– Ну, вали... Не поломай только.

Вода оказалась совсем не холодная. Только ноги сильно проваливались в илистую жижу. Кашка прошагал всего половину расстояния, а вода уже была ему выше колен. Но он даже на полсекунды не остановился.

Когда Кашка добрался до островка, вода замочила ему штаны и подобралась к пристёгнутым на животе сандалиям. Но зато кораблик был вот он – рядышком. Кашка раздвинул водоросли и осторожно, как раненого голубя, поднял парусник на ладонях.

Он был маленький, но совсем как настоящий. Лёгонький, остроносый, с тонкими бортиками, рейками, блестящими колечками и тугими снастями. О таком как раз Кашка и мечтал. Он бы отправлял на этом корабле своих смелых челотяпиков в самые дальние плавания по лесным ручьям и озёрам. Они бы открывали новые острова и страны. Кашка знал, где их можно открывать, только не было кораблика. Был морской Капитан, а плавать ему приходилось на обыкновенных щепках...

С берега уже кричали, чтобы Кашка не копался. Он вздохнул и пошёл обратно.

Но он хитрил. Возвращался он гораздо медленнее. Осторожно вытягивал из илистой грязи ноги, далеко обходил редкие листья кувшинок, словно это были вовсе не кувшинки, а самая жгучая крапива. Ведь пока он шагал здесь, среди воды, кораблик был вроде бы его, Кашкин. Можно было держать его, разглядывать, шептать команды и думать о дальних островах.

– Я бы уж давно достал, – противным голосом сказал Лёвка Махаев.

– Закройся ты, – лениво посоветовал ему Пимыч.

Пять метров до берега – путь недалёкий. Всё равно пришлось выйти на землю и отдать парусник.

– Штаны-то выжми, – ворчливо сказал Пимыч.

– А ну их! – отмахнулся Кашка. И вдруг попросил: – Пимыч, сделай мне такой... кораблик.

Он, конечно, понимал, что говорит самую настоящую глупость, но не смог удержаться. И удивился, когда не услышал в ответ обидного смеха.

Пимыч недовольно сказал:

– «Сделай»!.. Сам не можешь, что ли?

– Не могу, – без колебаний признался Кашка. Конечно, как он мог? Разве сумеет он построить такое чудо?

– «Не могу»! – передразнил Пимыч. – А чего тут мочь? Тут и дела-то – два раза плюнуть. Всё почти готовое продаётся. Самую малость надо построгать да покрасить...

– Что продаётся? – не понял Кашка.

Но Пимыч молча возился с парусником. Наверно, устал от долгого разговора. Другие ребята сказали Кашке, что коробку с набором для модели яхты можно купить в раймаге на станции. И денег надо всего шестьдесят копеек.

Всего! У Кашки таких денег в жизни не бывало. Где он их возьмёт?

– У матери попроси, – посоветовал Пимыч. – Небось даст...

– Мама уехала, – сказал Кашка и почувствовал, что в гор-

ле вырастает что-то твёрдое и угловатое, как маленький деревянный кубик.

– Ну отец даст.

– У него операция. Они вместе уехали, – шёпотом сказал Кашка. – Я с бабой Лизой живу...

– Ну... – начал Пимыч, но замолчал и задумался.

– А пускай сам заработает, – предложил Лёвка. – Чего попрошайничать?

– Как? – удивился Кашка.

– А как мы. На ягодах. Набери да продай на станции. По пятнадцать копеек за стакан если продавать, всего четыре стакана надо... Только тебе ведь не набрать четыре стакана...

Кашка снял с мокрых штанов прилипшую водоросль, положил руки за спину и посмотрел на Лёвку, как на маленького. Он даже чуть не засмеялся. Кашка знал такие ягодные места, какие Лёвке, наверно, даже в мечтах не мечтались. Недаром Кашка умел делать открытия.

Мальчишки продавали ягоды на станционной платформе.

Кашка бывал здесь и раньше. Правда, на перроне он появлялся редко: нечего там было делать. Зато любил Кашка путешествовать под платформой. Она была старая, деревянная и держалась на высоких столбиках. Ходить под ней можно было не сгибаясь. Там стоял сумрак, словно в Кошцеевом подземелье. Кряхтел и потрескивал потолок. Сыпался за во-

ротник древесный сор. Вздрагивали на земляном полу солнечные полосы. А за дощатой стенкой, как чудовища, с тяжёлым рёвом пробегали вагонные колёса.

Здесь Кашка находил интересные вещи, которые падали сверху в щели, – разные пуговицы, спичечные коробки с незнакомыми наклейками, конфетные фантики, запонки... А один раз нашёл он денежку – три копейки. Правда, в тот же вечер он её потерял, но долго ещё вспоминал об этой находке с удовольствием. Но сейчас Кашке нужны были не три копейки, а целых шестьдесят. И шёл Кашка не вниз, а наверх, на перрон. Осторожно прижимал к груди четыре кулёка с луговой клубникой.

Мальчишки стояли, прислонившись к шаткому палисаднику. Вид у них был очень независимый. Будто они пришли не ягоды продавать, а просто поглазеть на зелёные вагоны подошедшего поезда, на тепловозы, на облака. А на пассажиров они вроде бы и не смотрели. Даже Лёвка Махаев стоял с равнодушно-кислым лицом, хотя у него уши дёргались от волнения, когда пассажиры проходили близко, – так ему хотелось поскорее продать свою клубнику.

Кашка старался, чтобы всё у него было как у других ребят. Он и кулёки для ягод свернул не из газеты, а из листков старого папиного учебника. Так делали почему-то все мальчишки. Только держать себя независимо и гордо Кашка не умел. И пристроиться к ребятам он не решился, а они его не позвали. Может быть, и не заметили. Кашка ушёл на дру-

гой конец платформы и встал у столба с железным плакатом: «Граждане! Ходить по путям опасно!»

Чувствовал себя торговец ягодами неважно. В животе было холодно, и всё время хотелось глотать воздух. Будто вышел Кашка на опасное дело.

В глубине души он совсем не верил, что кто-то подойдёт к нему и станет покупать промокшие кульки с клубникой. И не знал, что делать, если это случится. Но к нему подошли, незаметно, откуда-то сбоку, и Кашка вздрогнул.

Покупателей было двое. Кашка заметил, что на них серые одинаковые пиджаки и синие фуфайки с белыми полосками у ворота. И какие-то значки на отворотах пиджака. Лица у них тоже были похожие. Разные, но всё-таки похожие. И как будто знакомые. Кашке вдруг показалось, что такие же лица – узковатые, с жёсткими подбородками и лёгким прищуром глаз – были у лётчиков, про которых он недавно смотрел кино. Только лётчики выглядели постарше.

Кашке нравились люди с такими лицами.

– Продаёшь? – спросил один, с золотисто-синим значком. – Почём?

В горле у Кашки что-то по-птичьи пискнуло.

– Пи... питнадцать коп-пеек, – выдавил он.

Тот, который спрашивал, наклонил голову и стал с интересом смотреть на Кашку. Так разглядывают какой-нибудь интересный пустячок, винтик, например, или брошку, если случайно найдут их на тротуаре. Потом он сказал негромко

и печально:

– Слушай, ты... рыцарь наживы. Совесть у тебя есть?

Кашка считал, что есть. Но вообще-то вопрос был непонятный. При чём здесь совесть? И ещё рыцарь какой-то.

– Ягоды... они хорошие, – на всякий случай сказал он.

– Я так и думал, – мрачно откликнулся человек с синим значком.

Тогда вмешался его товарищ:

– Борис... Ну чего пристал к парню? Он по такой же цене продаёт, как все.

– Все они «как все»! – с резкой усмешкой бросил Борис. – Я таким вот пацанёнком был, когда на целину первые эшелоны шли. Мы со своих огородов помидоры тягали и к вагонам тащили, чтобы ребятам дать на дорогу. А тут – «пятнадцать копеек»!

Кашка почувствовал, что эти слова обидные. И всё-таки не обиделся.

«А может быть, – подумал Кашка, – у него нет пятнадцати копеек? Ягод попробовать хочется, а денег нет».

Или, может быть, он думает, что Кашка жадный?

– Ну, возьми... – простодушно сказал Кашка. Он почему-то даже не заметил, что обращается к Борису на «ты».

– Что? – не понял тот.

– Возьми так, – повторил Кашка со всей убедительностью. – Не надо копеек.

Что-то изменилось в лице Бориса. Растерялся он или сму-

тился. Запустил руку в карман пиджака, стал смотреть мимо Кашки и непонятно ответил:

– Благодарю. Я платёжеспособен...

Но его спутник взял у Кашки ягоды и вложил кулёк в ладонь Бориса.

– Бери, раз дают. – И подмигнул Кашке.

Кашка протянул кулёк и ему. И услышал:

– А не жалко тебе?

Кашка удивился. Жалко? Наверно, этот человек не знает, сколько ягод можно отыскать на лесных буграх и полянах совсем недалеко от посёлка.

Ну, конечно, хотелось купить поскорее кораблик. Но раз уж он одну порцию клубники отдал, значит, шестьдесят копеек всё равно сегодня не заработать. Поэтому остальные ягоды вообще жалеть не стоит. Нисколько.

– Спасибо, – вдруг сказал Борис. – Знаешь что? Ты...

Он не договорил, потому что к ним подбежала девушка в серой куртке с блестящими застёжками. Весёлая такая девушка, с пёстрой косынкой, повязанной, как пионерский галстук.

– Ребята, вы где? Поезд отходит сейчас!

– Мы здесь, – коротко сообщил Борис. – Мы заняты. Поезд подождёт.

– Один симпатичный юноша угощает нас ягодами, – объяснил товарищ Бориса.

– Только вас угощает? Или всех? – поинтересовалась де-

вушка.

– Вот, берите, – сказал Кашка. Он уже не робел, не стеснялся. Чувствовал только смутную зависть: сейчас эти люди сядут в поезд и поедут, а он, Кашка, останется.

Ну ладно, пусть едут. Это, конечно, хорошие люди...

Да, но оставался ещё один кулёк.

– Куда же его? – растерянно спросил Кашка.

– Ешь сам, – хором сказали трое и побежали в конец поезда, к своему вагону.

Потом этот вагон медленно проехал мимо Кашки, и тот увидел в тамбуре всех троих. Они махали Кашке руками. И смеялись. А девушка даже сняла косынку с шеи и размахивала ею, как флагом.

Кашка торопливо замахал в ответ. Той рукой, в которой держал ягоды. Они сыпались из бумаги и падали на доски, как тяжёлые дождевые капли, но Кашка не обращал внимания. Впервые в жизни он провожал хороших людей в далёкую путь-дорогу. Хотя нет, недавно он провожал маму и папу, и мама тоже махала ему из вагона. Но тогда было грустное прощание, а сейчас весёлое...

– Ну и дурак! – услышал Кашка за спиной.

Обернулся. Это Лёвка Махаев обругал его. Он, значит, следил за Кашкой. Теперь Лёвка стоял рядом и смотрел с презрением.

– Пентюх необразованный! – сказал он. – Облапошили тебя, как деревяшку. Лопух ты!..

Но Кашка чувствовал, что он не лопух. Он не забудет, как три незнакомых человека смеялись и махали ему из вагона. Лёвке, конечно, никто не махал, хотя он и продал все ягоды.

– Остался без яхты, ну и фиг с тобой, – закончил Лёвка и сплюнул. – Салага!..

Кашка отошёл. Издалека он осторожно сказал:

– Ты, Лёвка, наверно, сам салага. Я завтра ещё четыре стакана насобираю. И продам. И куплю кораблик. Вот...

Назавтра он собрал не четыре стакана, а семь. И сделал семь кульков. Четыре он решил, конечно, продать, а ещё три. Ну, мало ли что. Вдруг случится, как вчера. Кашке очень запомнились улыбки трёх друзей. С тех пор как уехали родители, ему еще никто не улыбался вот так, по-хорошему.

Но случилось не так. Сразу нарушились Кашкины планы. Подошёл поезд, и на платформе появились...

Нет, сначала Кашка услышал песню. Шум колёс уже затих, и песня звучала за вагонными стёклами. Пели мужские голоса. Не громко, но как-то упруго. Это была немного печальная, но хорошая песня. Такая хорошая, что Кашка замер на секунду.

А голоса стали громче, и вот тогда появились на перроне моряки.

Они по одному прыгали с подножки, и песня вместе с ними вырывалась из вагона. Кашка разобрал последние слова:

Ночь бросает звёзды на пески,
Поднятые сохнут якоря...
Спи, пока не гаснут маяки...

Потом пение оборвалось, и голоса смешались:

– Братцы, здесь и папирос не купишь!

– Сколько минут стоим?

– Станция Кам-шал... Ну и станция!

– О чёрт, курить хочется.

– Не лопнешь.

– А вдруг?

Они были не в бескозырках. Кто в чёрной фуражке с якорем, кто так, с непокрытой головой. День выдался ветреный, и синие воротники плескались у них за плечами. На рукавах чёрных матросок алели треугольные флажки и золотились нашивки.

Был среди них один – высокий, курчавый, словно негр. На плече он, как большую лопату, держал гитару. Он, кажется, первый заметил Кашку. Именно его, а не других ребят. Потому что те стояли на дальнем конце платформы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.